

— Я не хочу ничего, я хочу кашу.

Сяо Бао подбежал и обнял ногу Ли-ши.

Обычно, когда в третьей семье готовили что-то для себя и Сяо Бао это замечал, ему всегда давали немного. Но сейчас Ли-ши, думая о ещё слабом Лю Яоцине, не хотела делиться.

Услышав шум снаружи, Лю Яоцин попросил только что проснувшегося Син-гэ открыть окно. Он откашлялся:

— Сяо Бао, если хочешь каши, подойди сюда, я задам тебе несколько вопросов.

Покрутив глазками, Сяо Бао, соблазненный кашей, всё же зашёл.

— Вчера вечером твои родители говорили что-нибудь обо мне?

Лю Яоцин улыбнулся и спросил.

Сяо Бао всё ещё спал на кане с Лю Цюаньфу и Младшей Ли-ши, и обычно взрослые не обращали на ребёнка внимания. Если бы Сяо Бао сейчас что-то сказал, Лю Яоцин действительно собирался дать ему немного каши.

— Мама сказала, что все гэр — негодяи, и велела мне в будущем искать невесту не среди гэр, а среди девушек.

Сяо Бао, хоть и не совсем понимал, всё же начал повторять слова, услышанные вчера вечером.

— Папа снова хотел пойти выпить, но мама не разрешила, сказав, что дядя, дядя...

— Что дядя?

Лю Яоцин вздрогнул и поспешно спросил.

— Не знаю.

Сяо Бао покачал головой.

Увидев, что Сяо Бао действительно ничего не знает, Лю Яоцин сказал Ли-ши:

— Мама, дай ему миску, пусть получит немного каши. Сяо Бао, мы должны договориться: об этом ты никому не должен рассказывать, иначе в будущем, если у меня будет что-то вкусное, я отдам это твоему брату.

— Угу.

Сяо Бао, увидев полмиски каши, уже начал пускать слюни, и не было причин отказываться.

Сидя на кане и поедая кашу, Лю Яоцин почувствовал, что его тело стало гораздо легче, чем вчера, и он рано встал с кана, набрав воды, чтобы умыться.

— Цин-гэр.

Как раз в этот момент ранним утром кто-то пришёл.

— Чжэцзы-гэ?

Лю Яоцин был удивлён, ведь в это время большинство семей ещё не начинали готовить еду, и не было принято навещать в такой час.

Цинь Шаочжэ был высокого роста, сегодня он был одет в удобную короткую одежду и нёс корзину за спиной. Увидев Лю Яоцина во дворе, он подошёл и присел рядом. Подождав, пока тот закончит, он последовал за ним в дом.

Раньше Чжэцзы-гэ часто приносил в дом дичь, говоря, что это для Лю Яоцина, который с детства был слаб здоровьем. Но впервые он так откровенно следовал за Лю Яоцином, шаг за шагом, не отставая ни на мгновение.

В деревне существовали определённые правила разделения мужчин и женщин, но между гэр и мужчинами отношения были немного свободнее, хотя и не полностью безразличны.

Если какой-то мужчина проявлял интерес к гэр, он мог активно приближаться, и если гэр тоже был заинтересован, они могли узнать друг друга лучше, а затем их старшие могли пообщаться, и, если всё шло хорошо, могло быть заключено брачное соглашение.

Глядя на сегодняшнее поведение Цинь Шаочжэ, Лю Яоцин почувствовал некоторое волнение, но он считал, что время ещё не пришло. Ведь он был не тем Лю Яоцином, а тем, кто только что появился два дня назад и быстро стал неуютным для дедушки, бабушки и старшей ветви семьи.

Увидев, что Син-гэ ушёл, Лю Яоцин улыбнулся:

— Чжэцзы-гэ, когда ты пойдёшь в горы на охоту, я тоже хочу пойти.

— Не могу точно сказать.

Цинь Шаочжэ, видя несколько отстранённое отношение Лю Яоцина, всё понял, но не сдался. Он достал из кармана тканевый мешочек и высыпал на кан серебряный слиток.

— Возьми, купи что-нибудь вкусное, чтобы подкрепиться.

— Это я не могу взять.

Лю Яоцин сразу же покачал головой. Обычно он принимал дичь и всё запоминал, чтобы в будущем вернуть долг, ведь нельзя просто так принимать подарки. Но с деньгами всё иначе: их никто не дарит, и даже если бы давали, их нельзя было бы взять.

Пока он говорил, Цинь Шаочжэ уже шагнул к двери:

— Считаю, что я тебе одолжил, вернёшь, когда будет возможность.

Не дожидаясь ответа Лю Яоцина, он ушёл.

Лю Яоцин побежал с деньгами за ним, но тот уже исчез.

Вернувшись в комнату, Лю Яоцин тщательно спрятал деньги, не собираясь пока рассказывать Ли-ши. Если бы он ей сказал, она бы обязательно рассказала Лю Цюаньцзиню, и через несколько дней Лю Цюаньфу и старик Лю тоже бы узнали.

Утром за завтраком, увидев, что старшая ветвь семьи ведёт себя так, будто его не существует, Ли-ши опустила глаза, а старик Лю вообще игнорировал его, Лю Яоцин всё понял.

Игнор.

Для ребёнка, который обычно не получал внимания от родителей и был как невидимка в этой семье, это было самым жестоким обращением. Даже если бы его ударили или поругали, он мог бы хотя бы поплакать, пошуметь, и ему было бы не так тяжело на душе.

Для других детей, которых так долго игнорировали, это могло бы привести к тому, что они не научились бы общаться с людьми, не научились бы вести себя в обществе. Если семья закрыта для них, то и всё общество не откроется им в будущем. Лю Яоцин почти не мог представить, во что превратится такой ребёнок, когда вырастет.

К счастью, в прошлой жизни он уже был взрослым, и забота родителей, старшего брата и младшего брата была для Лю Яоцина как сладость в банке. Попробовать другой образ жизни время от времени не было плохо.

Позавтракав, Ли-ши убрала посуду и, увидев Лю Яоцина во дворе, поманила его.

Увидев чашку в руках Ли-ши, Лю Яоцин понял, что пришло время пить лекарство, и поспешил подойти, выпив всё залпом. Он весь был горьким, но не чувствовал дискомфорта.

Поставив чашку в сторону, Ли-ши понизила голос:

— Чжэцзы дал тебе деньги?

Лю Яоцин промолчал, не зная, как Ли-ши узнала, но всё же кивнул.

— Эх.

Ли-ши вздохнула.

— Этот парень хороший, он к тебе... ладно, не будем об этом. Твой дядя, кажется, уже знает.

— Как так?

Лю Яоцин удивился.

— Чжэцзы-гэ дал мне их, когда никто не видел. Мама, как это случилось?

— Раньше он тоже приносил деньги, и я всегда возвращала. У кого из нас много денег, чтобы так раздавать? Но...

Ли-ши посмотрела на лицо Лю Яоцина.

— Цин-гэр, ты становишься всё красивее, неудивительно, что ты ему нравишься.

Выслушав долгий монолог Ли-ши, Лю Яоцин наконец всё понял. Оказывается, Чжэцзы-гэ часто приносил деньги, и каждый раз, когда их возвращали, он уходил с грустным лицом. На этот раз Лю Яоцин не успел их вернуть, и он ушёл с улыбкой. Это увидела старшая ветвь семьи, и всё стало ясно.

Чжэцзы-гэ часто приходил в дом Лю, но хорошо относился только к Лю Яоцину, и все знали, что он приносил деньги. Семья Цинь была небольшой, жила охотой, и их жизнь была самой зажиточной в деревне, и денег у них хватало.

— Позже я верну их.

Лю Яоцин сказал.

— Мы не можем брать деньги Чжэцзы-гэ.

— Правильно.

Ли-ши тоже кивнула, продолжая шить подошву для обуви.

Выйдя во двор, Лю Яоцин увидел Младшую Ли-ши в доме и улыбнулся, не обращая внимания на их отношение. Ведь деньги были у него, и разве он станет угождать этим людям, отдавая деньги старику Лю?

— Цин-гэр, пойдём собирать дикие финики?

Юй-гэр выбежал, радостный.

— Хорошо.

Лю Яоцин подумал и решил взять с собой деньги, чтобы сначала вернуть их, иначе, судя по поведению старшей ветви семьи, они могут найти повод забрать их силой.

Взяв у Ли-ши корзину из травы, Лю Яоцин и Юй-гэр вышли из дома.

Улочки совпадали с его воспоминаниями, шаг за шагом они шли по деревне, и, глядя на обвалившиеся глиняные дома, Лю Яоцин почувствовал, что он действительно стал частью этого места. Следуя по знакомому, но всё же чужому маршруту, они в конце концов добрались до края деревни у подножия горы. Высокая каменная стена, сложенная из камней, окружала пять больших домов, а величественные ворота были полуоткрыты.

— Чжэцзы-гэ дома?

Лю Яоцин осторожно крикнул.

Он думал, что Чжэцзы-гэ нет дома, но тот сразу же вышел:

— Это Цин-гэр, заходи.

Двор тоже был величественным, с колодцем, покрытым широкой каменной плитой, и под карнизом висели ряды вяленых диких кур и кроликов.

Достав деньги из кармана, Лю Яоцин, не скрываясь от Юй-гэра, сказал:

— Чжэцзы-гэ, вот деньги, сначала возьми их, а когда мне понадобятся, я попрошу у тебя.

На этом Чжэцзы-гэ больше не стал настаивать и взял деньги.

Потом они отправились к подножию горы собирать дикие финики, а Чжэцзы-гэ пошёл с ними, так как не хотел отпускать двух гэр одних.